

Больше она ничего не смогла выговорить. Вся ея внутренняя работа надъ собой пошла на то, чтобы остаться крѣпкой физически, уйти самой, безъ его помощи, не упасть, не ослабѣть, не получить сильнаго головокруженія. Она съ радостью взяла бы и выпила залпомъ стаканъ грогу, вотъ тотъ самый „américain“, который Рынинъ заказалъ; отъ ея холоднаго напитка только жгло въ груди и было немного тошно.

— Вотъ пріѣхалъ узнать про ваше здоровье, — отвѣтилъ Рынинъ опять по другому, откинулъ свою голову и весь станъ назадъ, даже немного отодвинулъ свой стулъ и положилъ папиросу на край столика.

— Вашимъ лицомъ, общимъ видомъ, я недоволенъ, Зинаида Мартыновна, — продолжалъ онъ уже совсѣмъ просто, тономъ добраго знакомаго, не очень молодого, — не ухаживателя, а петербуржца, изъ ихъ пріятелей, котораго Сосѣ послала за границу узнать, какъ идетъ леченіе Зины на морскомъ берегу.

Эта переменъ тона и обращенія вызвала въ ней странное чувство, для нея самой странное: какъ-будто она этому обрадовалась, что вотъ хоть не выйдетъ скандала, не должна она будетъ повести себя съ нимъ какъ съ нахаломъ... И сознаніе его силы, выдержки, свободы, съ какой онъ перешелъ къ такому тону, не бѣсило ея, не обижало; она не желала тягаться съ нимъ, была довольна уже и тѣмъ, что „все это“ можетъ обойтись прилично.

— Вамъ здѣсь одной, я думаю, очень неудобно?

Эта фраза была имъ сказана почти съ участіемъ и опять безъ сладости, не въ тонѣ ухаживателя.

Она ему отвѣтила жестомъ головы, что онъ не ошибается.

— Да и сурово; вѣтры такіе, что даже меня вчера чуть съ ногъ не сшибло. Вамъ бы, по близости, въ Бланкенберге, частъ ѣзды отсюда. Тамъ хорошо, я былъ...

„Искалъ меня?“ вдругъ всталъ у нея въ головѣ, самъ собою, этотъ вопросъ, и ей это не было непріятно. Зачѣмъ онъ вдругъ очутился здѣсь? Навѣрно, узналъ онъ отъ Теняшева и поѣхалъ „на авось“. Вѣдь онъ не могъ же не знать, какъ онъ ей не нравился тамъ, въ Петергофѣ, и все-таки поѣхалъ.

Будь это шесть недѣль передъ тѣмъ, она бы, кромѣ презрѣнія, ничего не ощутила къ этому „coureur de dotes“. Вотъ, сейчасъ, онъ самъ еще дерзилъ ей насчетъ двухъ-сотъ тысячъ приданаго, а она его все-таки не считаетъ теперь искателемъ невѣсты, un roublard...

— Кто васъ пустилъ? — спросила вдругъ она и не ласково, и не рѣзко.